П. СТАВРОВ

БЕЗ ПОСЛЕДСТВИЙ

ПАРИЖ
1933

П. СТАВРОВ

БЕЗ ПОСЛЕДСТВИЙ

СТИХИ

ПАРИЖ
1933

НОЧЬЮ

НОЧЬЮ

Потрескивая — (и не дышет)
И опять немого немей,
И опять убегает излишек
Опустевших и вынутых дней.

Суета — это только начало
Не мышиной и злой беготне
(Только капельником стучала
На тишайшем твоем огне).

Ведь на нем (да на лунной пыли),
Не такой еще таял лед
И старинным романсом крылья
Шелестя, раскрывал полет

Да на той ослепительной круче
За порог, за последний порог —
И опять тишиной скручен
У твоих шевелился ног.

Поскорее следы замести,
Замести — и сказать покороче.
То ли дело, шатаясь, брести
Безответственной ночью.

Безответственной ночью, когда, задрожав,
Захлебнутся часы на затравленном бое,
На затравленном бое убийств и отрав,
Захлебнутся и в ночь наклубят темнотою.

И в чаду, и в огне, загорается мир,
Но по остовам черных событий,
Как по шпалам брести на дымящийся пир
Полунощных отрав и открытий.

ПОЭМА ГОРЕСТИ

Завешаны окна и наглухо дверь.
Довольно бравады и рвенье умерь.

Довольно бравады — не надо,
Цветы на обоях — рулады,
Когда откровения птицами пели
В слинявшем,
дешевом,
последнем отеле.

(Ну, разве, что за спину руки
И маять отельную скуку).

Что может —
Больнее и слаже,
Один на высоком отельном этаже
В одиночестве сир.

Внизу рестораном распахнутый мир,
Капли на стеклах — ртутными слитками,
Вечер захлестнут напитками,

Слова, как клейма,
Сверкают, звенят, разсыпаются бойко,
И сыплются скукой на цинковой стойке.

(Ну, разве, что выть по собачьи
Как ветер в оставленной даче?)

ОСЕННЯЯ РОМАНТИКА

Не певец, не поэт и не воин,
Не поэт, оскудевший герой,
Ты монашеских будней достоин
Под монашески бедной скуфьей.

Погляди — над вороньим пленом
Полыхает полет огней.
Погляди — эта ночь по колена
Увязает в судьбе твоей.

И сбылось — на четыре недели
Раскидался зловещий зов,
Что холодные струи пропели
По задворкам осенних дворов.

И пока, зарыдав, заколышет
Тишину обезумевший рог —
Это конь твой по аспиду пишет
Затекающих хрипом дорог.

У окна-ль одичало глянет
У ворот ли приветит рок,
Ненасытное сердце станет
В ненамеченный сердцем срок.

АФИША

Тот неподвижный, мертвый свет,
Спиралью скручен до отказа,
Чтобы рассказанных побед
Не восстанавливать ни разу.

На той стене бледнел рассказ,
Больной и выдуманной птицей,
И потому ему не раз,
Но каждым вечером томиться.

КОНЦЕРТ

Осипшее эхо последних погонь
Туманит простейшие вещи,
Где в черную улицу белый огонь,
Как кровь из артерии хлещет,

Где каждый припадок жуют знатоки,
Как кость, напоенную жиром,
Но ночи уходят и дни коротки
Для долгого, страшного пира.

И в этот сомнительный кор-де-балет,
В зверинец истерик и хохота,
На долгие сотни и тысячи лет,
Иду, арестованный похотью.

И взломан секрет. И круглится зрачок,
Опухший от всех удивлений,
И черные струны взрывает смычок,
И золотом брызжут колени.

И яростен свет. И пленительна роль.
И занавес вздернут высоко,
Но вечную память и долгую боль
Хранит одичалое око.

Не слишком ли пьяный маэстро ретив?
О, ярая злость, не печалься!
И брызнувшей каплей застынет мотив,
На кончике мертвого вальса.

ПРОБУДИВШИСЬ

ПРОБУДИВШИСЬ

Еще зачем, еще затем
Вчерашним запахом дымится,
Но отойдет ночная темь
И скоро перестанет сниться.

В последний раз и лень и тлень,
Перекатили отголоски,
На утре тень и новый день
Повис на волосе прически.

Календарем заряд отряд
Уже умыт и ежечасен,
И вот весь утренний наряд,
Как по ночам, до боли ясен.

Только двери захлопнуть — и мир
Расцветая,
огромный и велеречивый,
Тот нежданный, незванный, нечаянный пир,
Как трамваем по рельсам, высекает огнивом.

За туманом, за спешкой, за дымкой погонь,
За туманом и мокрым угроз бормотаньем
Расцветающий мир высекает огонь,
Распахнувшийся день осеняя сияньем.

От тумана огонь и чадит и дымится
Это, видно, и вечером только мне снится.

РЫНОК НА РАЗСВЕТЕ

Огни не те и прочь,
Не та сворачивает ночь.

... Ночная дрожь
До дна не выпита дремотой
И зябко наступает ложь,
Сведенной судоргой заботы,
Вероятно судорга и там,
Где предрассветное месиво
Распределяясь по местам,
Мешками двигает лениво.

И, задыхаясь, суета
На то наваливает это.
Но разве судорга не та,
На синем трепета рассвета?

Не наступая, день встает,
Грохочет вывеской пустою,
И рассыпается полет
Ночей пустою шелухою.

... Не тот полет, огни не те,
В ненаступившей пустоте.

ТУМАН

Этот — от тысячи лет
Выходом выползший тесным,
Мелкий и мутный бред
К вечеру сталъ известен.

Будто набух, налит
Холодом вымытый погреб,
Только свистит вдали
За упокой во гробе.

Этот ли свист в ночи,
Ставший змеиным шепотом,
Ветром теперь стучит,
Ветром пошел пришептывать.

Ночью узнать не нам,
Ночью едва ли вызнаешь.

Сыплет теперь туман
Пеплом остывшей тризны.

РЕКА

Уже запутавшись в сетях,
Очередьми перебегая,
На запрокинутых огнях
Река плывет, как неживая.

Ей сквозь туман, как легкий бред,
Ей, сквозь вуаль недоуменья,
На утро, въ пять, чуть брезжит свет
Уже шептать про наводненья.

Ей просыпаться, скажем, в пять,
Сквозь блеск и всхлип перемогаясь,
Ей про ненастье бормотать,
Свинцовым холодом вздуваясь.

Ей спотыкаясь о мосты,
Под плеск ночных недоумений
Переворачивать листы
Несовершенных преступлений.
На черных сваях, наспех, вплавь,
Без оправданий, без допросов,
Пока пугающая явь,
Не встанет призраком белесым.

РОВНО В ВОСЕМЬ

Жизнь начинается в восемь.
Полотнища рвет и носит.
　　Морщит
Желтых листьев отчаянный сборщик,

　　　　Запинаясь по трубам
　　　　В усердьи сугубом.

　　На запинке,
　　Под стрекот,
　　Под плеск маховичный,
　　Улюлюканье свиста,
В черный плен заключат восковые кабинки
　　Скользящего лифта,
Как в последнюю сказку безумного Свифта.

Ровно в восемь
Нас бросили
коридорами осени.

Чтоб под плеск маховичный,
Захлебнуться восторгом первичным.

Захлебнулис. Поем.
За окном,
Об одном,
Об одном
Желтым медом безумья сочащие соты.
Ровно в восемь,
Холодная осень,
Рассчитается с каждым
Костяшками счетов.

КАФЕ

День ото дня и день за днем
Не разглядеть от дыма трубок,
За отуманенным стеклом
Нерасцветающих улыбок.

А эта тьма газет — газет
Так злободневно торжествует.
Надежды нет. Исхода нет.
И слово молвлено впустую.

Молчат. Синеет потолок,
И звон сменяется шуршаньем.
Того гляди — и скрипнет блок,
И глянет пустота зияньем.

СКВОЗЬ СЕТКУ ДОЖДЯ

В ДОЖДЬ

Сквозь шахматной сетку доски,
(Я в дождь ни за что не ручаюсь),
Озноб разошелся тоски,
Встревоженный звоном отчаяния.

Итог и расчет, и урон
(Спокойствие комнатной мебели)
Упали в трамвайный трезвон,
Трезвоном покрыты, как небылью.

И небыли этой в туман,
Что сеткой отмерен и вырезан
По скрежету рельсовых ран
Скользит недоношенным призраком.

Я знаю, что все невзначай,
Что встречено раньше и после,
Зачем же по рельсам трамвай
Гремит оглушительным «если»?

И сну, на остывшем листе,
И встречам, и шепотным вздохам,
Как Вию, застрять в темноте,
Застрять в неоконченных строфах.

И столько в забытой строфе
Провалов и скорби урона,
Что даже случайность кафэ
Становится жизни законом.

МОКРАЯ ДРАМА

Это все же, ведь, драма, как драма:
Отблестев, отразивши, отпев,
Не закончив вскипевший напев,
— С маху броситься в сточную яму.

Оттого эти ахи и охи
Вдоль и поперек — в плотную мглу,
Оттого причитанья и вздохи,
За окном — по стеклу.

Не порыв — поведенье такое,
(Разве дрожью нельзя истомить?),
Но легко ли, скажите, запоем,
Задыхаясь, двоить и двоить?

Это так — без конца и начала,
Но хотя продолжения нет,
Наследив по страницам журналов,
Завтра глянет из ваших газет.

ГРИПП

От палочек, бацилл и нагноений
Водосточные трубы хлестали в карьер,
Вопросительным знаком согнулся от удивлений,
Случайно промелькнувший шоффер.

Вот раздолье фонарям про былое вызванивать
По растекшимся лужам желтым шаром,
Корридорами блеска по черным прогалинам,
На промокшие стены идти напролом.

Много ль надо затеков и всхлипов?
Аспирином источенный свален больной,
Бормотавшую улицу холодом выпив,
В застекленном застенке, где тот и иной,

Перевязанный накрепко госпитальной тоскою,
Облепившие волоса сбив колтуном,
Спозаранку заходиться хриплым запоем,
Над простуженным сном.

Не озареньем, не событьями,
Исполосован календарь,
И, тот вопрос, как-быть, не быть ему,
Не повторяется, как встарь.

И как забыть, что эти просини,
На миг взвихренные опять,
Когда то очерствелой осени,
Не уставали осенять.

Что дни унылые развесили
Дырявый свой иконостас,
Что сквозь окно совсем не весело,
Глядит тумана желтый глаз,

Что переваливаясь кочками,
По росписанью, не в карьер,
Докатывается в одиночку,
Из моды вышедший премьер.

День так просто угас и вымер,
Как больной в удушье подушки,
Откоптел, заволокся дымом,
Отошел, прохрипев старушкой.

Только стужа мелькнула печалью,
И прорезав серую плесень,
Вечер, синею выжженый сталью,
Подымается тысячью весен...

ОПУСТОШЕНИЕ

ОПУСТОШЕНИЕ

Не в срок обозначая роздых,
Затих перегруженный воздух,
И день — необычайно душен,
И вечер — тысячью отдушин.

Как сорвавшийся приступ тоски,
Как горячее пламя, как языки,
Над обугленным тлением,
срывается ветер совсем ветровым песнопением.
Над затихшею темой,
Расходившимся, пьяным, размашистым витязем,

Точно все мы
Затихли, следим,
Мы следим за летучей антитезой.

Это просто — отнять,
И, отняв, разнести,
Разнести по пустынным раздольям,
Только боли крутою приправивши солью.

Ну, а нам?
Ведь теперь по ночам,
Будет ветер шагать и шагать сумасшедшим,
По разверстым ночам,
По открытым, разверстым
Отмеривать версты.

Ну, а все мы
Над затихшею темой?

... не счесть потерь,
И, как на паперти оттерта
Широким вздохом настежь дверь,

От наступающего ветра.
По стенам стон, по крышам дробь,
По окнам беглый, по открытым
И незаконченная скорбь,
Через мгновенье будет смыта.

Настиг налетом. Что теперь?
И вдруг такое обнищанье
Что и поспешный счет потерь
Звучит последним подаяньем.

В разноголосьи, что хватать,
Вот этот голос, рот иль губы?
И вот по новому звучат
Иного мира звон и трубы.

Располагается хаос
Так откровенно, так раздольно,
И перебит, и смят вопрос,
И в новый мир вступать не больно.

Под затравленный шепот учебы,
На чернильные, взмокшие пятна,
Пусть прольется чернильная злоба,
На холодных листах, на распятых.

Каждый лист — что накопленный ростом,
Каждый лист — невозвратная ссуда.
Пусть сгорает, свиваясь берестой,
Безнадежным процентом причуда.

Каждый трепет поет окончанье
Бормотаньем сведенных итогов,
Каждый шаг — перечтен бормотаньем
Цифровой, одичалой тревоги,

Что последнюю горькую сумму
На полях лихорадочно чертит,
И качается звонким безумьем,
Под напев цифровых поветрий.

Мне под звон ежедневных взысканий,
Поскорей бы проверить и вызнать
Эту запись дурмана качаний,
На зубок изучаемых жизнью.

ДРОБЬ ДЖАЗА

Дверь взметнуть, раз'ярясь,
Точно бритвой царапнуть стекло.
Сверху слякоть и грязь,
А внизу и тепло и светло.

Эта дробь. Этой дроби раскат
Раскаляется жаркой иглой.
Но ни шагу вперед, но ни шагу назад,
С перерезанным горлом гобой.

На дыбы, на дыбы, и пускается вскачь,
Разметая горячий песок,
Рассыпая клубок разрешенных задач
На столов раскаленный каток.

Пересохшее горло. И пар.
Пересохшее горло. Глоток.
И огромный, округлый и вздувшийся шар,
Подымается кверху и бьет в потолок.

От жары разлетается он,
Предлагая любви порцион.

И вот захлебнувшись в остатках раскаянья
Холодное, злое, глухое отчаяние
Забытою вехой в пустой высоте,
Раскатистой дробью на звонком листе.

... Эта дробь, этой дроби раскат,
Но ни шагу вперед, но ни шагу назад.

Тише, дамы! За стойкою лет
Подмигнет вам червонный валет.

ТЕАТР

С утра наклубила предвестница тень,
Стоять бы, глядеть бы, не двинуться.
С утра наклубила — и глянула в день,
И долго глядела очами пустынницы.

И час, как паяц, как фигляр, как скакун,
Качнув равновесие над облачным маревом,
Вскочил на канат перекинутых струн,
Привстал, между прочим, и дело заваривал.

И пар. И над паром луна,
Расшаркавшись ядом, мечтами, да струями,
С трудом водворялась на просинь окна,
Свистать соловьем, да хрустеть поцелуями.

И сад, чтоб спектакль не обчелся без вас,
Чтоб было ревниво, чтоб пахло убийствами,
Пронзила кинжалом египетских глаз,
И стрелами страсти почти ассирийскими.

ПУТЕШЕСТВИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ

Любовь тоске наперекор,
Любовь отвергнутого брата,
Как бы позор — и не позор,
И чувств последняя растрата.

Когда на карте стынет — нет,
Но сердце бьется слишком точно.
И бред как будто бы не бред,
Как будто высчитан построчно.

Когда построчно вычтен румб,
Когда построчно вычесть надо,
Тот путь — от пароходных тумб
До Сингапура и Канады.

Когда тот бред ясней, чем лет,
Чем лет причального каната,
Когда свое в конце возьмет,
Неутомимая расплата.

ДОРОГА

Пронзительный трезвон
Еще не вымерян построчно,
Но до конца не утвержден
Дождя допросом перекрестным.

Рекорд неведомых побед
Еще весною не поставлен,
Но по утрам дымится след,
От разогретых шиной вдавлин.

Хотя бы ветер, горы, лес,
Еще не сказано — дорога,
Но и ее клочек небес
Нам открывает понемногу.

Неутомимости закал
Сам по себе немного стоил,
Когда б повсюду не мелькал
Неистощимый Motor-Oil.

И за стремление отдать
Искусство отдано сторицей,
По красным шапкам узнавать
Грядущих сновидений лица.

Вниманье, вниманье — день
Затих на последней упорной утрате.
Мгновенье, мгновенье — тень,
Совсем как на карте, на черном закате.

И вот для того-ль на высокой игле
Надломленный вечер застыл виртуозом,
Чтоб радуга туч по встревоженной мгле,
Тянулась широким и пышным обозом.

А там, по углам — для того, для того ли
Узоры и краски расцвечены пышностью,
Чтоб черные крыши на розовом поле
На десять минут потрясти необычностью.

На десять минут — и затем посерев,
Внизу растянуться на пыли дорожкой,
Раскрылся надлом — и в раскрывшийся зев
Стремящийся бег задержать невозможно.

КРУШЕНИЕ

В неколебимость пустоты
Они улягутся не скоро,
У остановленной черты
Заторможенные просторы.

И перебегу полевых,
Простых, некошенных видений,
Не перегнать, не уловить,
Неукротимости крушений.

Когда разбег, на всех парах,
Вздуваясь времени одышкой,
На недокошенных буграх,
Застыл чудовищною вышкой.

И окончанье всех тревог,
В ночи, на поводу у ветра,
На перекрестке всех дорог,
Поднял последним километром.

СЕНСАЦИЯ

Обложка желтей лимона,
Странствуют десять странниц,

Где лихорадочно звонит
Сенсация в десять страниц.

Зарницы синей и глубже,
В боль барабанит рука,
Галя моя, приголубь же
От'явленного игрока.

Он от преддверья Ниццы,
Ниццу любовью залив,
Схимником каждой страницы,
Переплывает залив.

Он на миллион терзаний,
Вызеленив сукно,
Золотом восклицаний
Окровянил казино.

То ли ему погоня,
То ли ему любовь, —
Он в чемодане агоний,
Девью увозит кровь.

Синее синь и ветер в лет
Стал бить уверенно и споро,
И вот волна уже ведет
С песком морские разговоры.

Сейчас настойчиво и в ряд
Запляшут пляжные игрушки,
И гичка станет наугад
Качать восторженной частушкой.

И в синеве не угадать
Той неожиданной свирели
И, напрягаясь, провода
Уже пронзительно запели...

СЕВЕР

Скат роковых куртин,
Белым поросший клевером,
Сердце седых глубин,
Бьется горячим севером.

Песня. И кровь стучит,
Песня залита кровью,
Словно поэт в ночи,
Шедший на бой с любовью.

Точно набег — напев,
Криком, размахом ринется,
Перекровавив зев,
Болью на льду раскинется.

И, раскачавши бег,
Ветром развея бороду,
Север исходит в снег,
Свистом истошным холода.

Но, невдомек, во мгле,
Меру пребыв урочную,
Что на его игле
Небо повисло клочьями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ:

„SOUS LA LAMPE"
8, rue de l'Abbaye, Paris